

Зоя Выхристюк

**РЕАЛЬНОСТЬ
ВИРТУАЛЬНОСТИ**

Зоя Выхристюк

Реальность виртуальности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17035030

ISBN 9785447441104

Аннотация

Развлекательное чтение или ироническая быль. Страницы вопросов или варианты ответов. Попытка осмыслить время и, приняв себя, благодарно и трепетно сложить свой опыт в копилку жизни. Или виртуальная реальность в наших декорациях, в которой нет и намека на действительность. Скучный славногорский спектакль или пьеса, следующего действия которой ждешь с нетерпением зрителя, утомившегося от антракта... Вариант выбора у каждого свой.

Содержание

Вместо предисловия	5
Прошлый визит	7
Неожиданный поворот	16
Путь к себе	34
Тяжелая работа	42
Любовь-морковь	51
Женсовет	70
Ах, Аполлон, ах, Аполлон...	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Реальность виртуальности

Зоя Выхристюк

*Посвящается всем, кто мне близок духовно, –
живым и поминаемым*

Все – люди.

© Зоя Выхристюк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Кто вы? Проводите сеанс самоидентификации? Я не про имя и паспортные данные. Не про социальный статус и половую принадлежность. Чувствуете, тело – дом души? Все время меняющийся. А она-то сама – константа?

Вы гений или злодей? Примерный на зависть семьянин или тайный развратник? Вы, вообще, добродетельны или порочны? Всегда ли в зеркале двойник, которому хочется махнуть ручкой: «Приветик, любимый!» Или ползет и премерзкая рожа – слабая, безвольная, подавленная? Перекошенная страстями – то ревностью, то завистью, то злобой... Что прям-таки хочется кануть конечностью: неужто я?

Решения принимаете сами? Уверены? И мотивы поступков понимаете? Всех- всех? А как на счет фатума, предопределенности? Чувствуете, что ведомы? Точно знаете – кем? Размышляете о свободе воли и выбора? Нравственного. А сталкиваться с необъяснимым, запредельным случалось?

Таким, что есть, но не с каждым, а говорить об этом – табу? Негласное.

А как вам в мире, где дружат против? И в социуме, и в быту, и в сфере духа... Последнее – о конфессиях, их видах и подвидах. С истиной у каждой – в наипоследней инстанции!

И что делать человеку? Размышляющему. Думаете, таких

мало? Из-за темпа жизни, который заверчен, чтоб меньше думали? Вас-то волнует? Или все – сцена, а жизнь – многоактный спектакль? Либо пирог с парадоксальными начинками? Кто режиссер? Кто кулинар?.. Значит, думаете?

Ну, слава Богу, я не одна.

Прошлый визит

Лялька проснулась. Господь послал новый день. Внутри началось привычное, а по сути – запредельное: когда ты – один, но общаешься. С самим собой. Словно видишь себя изнутри и снаружи одновременно. В зависимости от точки наблюдения.

«Главное, не спешить, больше пиетета телу. Мы же – оно, только больше. И внимательней к границе сознания – жизни во сне и наяву. Нет, расслабляемся, пусть часть меня – ночная путешественница – уютнее разместится в физических границах. Пошли от стопы вверх. Ну да, самое сложное – плечи, шея. Еще поясница. Здесь поаккуратнее. Почти идеально. Снимаем блоки. Теперь на правый бок, садимся. Не торопясь! Подушки под спину, самомассаж от макушки до пяток. А теперь босиком по траве».

Лялька открыла настежь стеклянную стену-дверь. Дивное время суток – солнце окрасило горизонт и того и гляди выкатится из-за гор ослепительным диском. Прохладная влага травы в глубоко осеннюю пору заставила окончательно проснуться.

«О, сегодня, похоже, я – идеальный проводник. Хорошо! Руки – вверх: «Благодарю Тебя, Господь, за день, который начался, за свет, который пролился, за то, что дом на месте мой, в порядке я и все в порядке. За жизни звуки, радость

дня, за то, что любишь Ты меня!»

Она потянулась вверх, словно желая дотронуться до небес, и легко сложилась пополам, коснулась ладонями земли, не сгибая колен.

«Отлично! Когда в форме, воля может отдыхать. День ответственный. Зарядка отменяется. Через пару часов визит. Один из моих. Почему поддержали игру? Загадка! Ноябрь – месяц Ахмада. Долго не звонил. Был занят? Проблемы? Или колебался, стоит ли?»

«Странно, люди нуждаются облегчить душу, а потом шарахаются от свидетелей обнажения. Свидетелей не любят. Нужно время и весомые аргументы, чтоб снова встретиться. Нет, сегодня без клише, жестких схем, без инициативы. Будь что будет. Главное, купила его любимое печенье, овсяное».

Проходя мимо зеркала, приостановилась. На нее смотрела интересная молодая женщина неопределенного возраста в свободном крою пестрых шароварах и мягком фланелевом балахоне краснокирпичного цвета, в удобных тапках в тон балахону. Живые карие глаза в пол-лица и стильная стрижка.

– Кто ты, незнакомка? – спросила Лялька, внимательно вглядываясь в отражение. И тут же усмехнулась. Удивительно, всю жизнь один и тот же вопрос.

«А, правда, кто я? Женская сущность с мужским сладом ума? По паспорту – за полтинник, по ощущениям – не больше сорока. Без лишнего веса и не без вредных привычек. Ну, не Венера Милосская, но фигура и все мое остальное – ни-

чего», – удовлетворенно констатировала про себя.

Она не торопясь поправила волосы – прядь легла не так. Внимательно, с интересом заглянула в глаза. «С рождения, каждый день, несчетно (а чем старше – тем чаще!) вот так перед зеркалом. По крайней мере, лицо. А что в памяти? До деталей помню себя на фото, разных, а, попробуй, вспомни двадцатилетнюю... Себя, в зеркальном отражении. То-то и оно!»

Но почему же память сохранила ту мерзкую физиономию с трясущимися губами, пьяным бегающим взором, явно без фокуса, и почти реально читаемой надписью во весь лоб: «Дошла до ручки! На дне!» Казалось, в ушах еще стоит грохот унитаза, заглотившего то, что отказывалась принять более капризная плоть. Отполоскала рот, умыла лицо и взглянула в зеркало над раковиной. И о, ужас: «Неужто я?» Так что пришлось плеснуть воды на стеклянную поверхность – для верности.

Она брезгливо повела плечами, тряхнула головой, словно, освобождаясь от наваждения. Трудно поверить, что та и эта, смотрящая на нее из зеркала дама, – одно и то же лицо. У этой – глубокий внутренний план и взгляд, от которого трудно, да что там, не хочется оторваться. Магнетизм? И уж точно никакого желания дробить образ на составляющие. Лялька улыбнулась. «Странно, в мои двадцать – руки не те, ноги „сильно украинские“, бюст маловат, кожа лица жирная, волосы быстро лоснятся: мыть каждый день... Все

по частям и у других – лучше. А сейчас все стало на тридцать лет старше, и я, наконец, себя приняла. Привыкла?»

Она приблизилась к зеркальной поверхности, чтобы получше рассмотреть сетку едва заметных морщин вокруг глаз. Любовно провела пальцем по чуть-чуть провисшему подбородку. Вспомнила слова одной из великих, увидевшей свой портрет с ретушью: «Верните мне мои морщины! Я потратила на них свои пятьдесят лет!» Или что-то в этом духе. Улыбнулась – с точным цитированием у нее всегда были проблемы. «Господи! Благодарю Тебя! Ты подарил мне лучшее тело. Для меня лучшее. И уж точно лучшую, нескучную жизнь».

С веранды в открытую дверь радостно вбежал слегка ко-солапый сенбернар, пес-подросток, и остановился рядом.

«Ну, вот, дама с собачкой», – усмехнулась Лялька.

– Пошли, Сидней, у нас много дел.

«Так, гостевые апартаменты готовы. Сегодня предложу костюм шейха. По контрасту. В прошлый раз был „русский вопрос“ – отношение кавказцев к русским». И она вспомнила себя в белой блузе и пестром сарафане с красными бусами и шалью на плечах, а его в холщевой косоворотке на выпуск и простых полотняных штанах. Даже лапти удалось найти! Часами слушала вековые обиды. Страна ему – мать и мачеха. О депортации в Среднюю Азию говорил, словно было вчера и с ним. А ведь родился на Кавказе, после возвращения. «Интересно, в этом году съездил к могилам предков?» Каж-

дый год Ахмад, где бы не оказался по делам бизнеса – в столице, в Европе или на Ближнем Востоке, поездку на Кавказ и в Среднюю Азию не отменяет. Со старшим сыном. Принципиально выдергивает из Швейцарии и везет на историческую родину, к могилам. Чтобы знал – после его ухода, именно он в ответе за них пред Всевышним. И так – из поколения в поколение. Респект! «По сравнению с ним я – Иван, не помнящий родства. Знает предков до седьмого колена, хоть и не из „голубых кровей“. А у меня есть могила только одной бабушки... И дальше третьего колена – глухо».

«А как говорит об унижении. Терпел в столице. Вырывался из пут бессмысленной вражды, где уж не разобрать, кто прав, кто виноват. Тобой манипулируют с двух сторон, ты – разменная монета. Силы разные, а методы – одни. Спасал семью. С глобальными вопросами – потом. Остановился на грани жизни и смерти, когда Аллах сохранил жизнь – русский Семен дотащил с перебитыми ногами до родового гнезда. Прозрел: «Все, в этом не участвую».

Ох, как они «рубилась» с Лялькой! Еще бы! Он вменял русским все преступные ошибки государства. Да русский народ нуждается сегодня в поддержке больше, чем любой другой! Говорил о шовинизме, лени, пьянстве на Русском Севере и Средне-Русской возвышенности, о деградации и практически «оскотинивании» целых деревень. И она резала правду-матку: «Да ты сам не наднационален! У тебя гигантский бизнес. А как ты подбираешь персонал? По принци-

пу бизнес-целесообразности? На хорошую должность возьмешь своего, а не русского. И на ключевые посты расставишь своих, пусть и квалификацией не вышли... У тебя интересы этноса выше бизнес-интересов. Что, не так?».

А потом, чуть поостыв, спокойно обсуждали разную степень этнической консолидации, удастся ли России сохранить Кавказ, и, как ни пафосно, меру общей ответственность за территориальную целостность страны. Он до сих пор обижен – не востребован на малой родине. В ярости от бессилия, чувствует себя пешкой на шахматной доске. Фигуры передвигают. Ладно бы в интересах государства. Говорили об открытости и разобщенности русского мира и абсолютной закрытости этнического мира на Кавказе, о бытовом национализме, низкой культуре. Вспоминали Советский Союз. Дружба народов была целью внутренней политики – цементирующий скреп государства. Работали технологии интернационального воспитания. И толерантность была не лозунгом, а реальностью.

Обо всем этом без табу тем, не боясь острых углов. Лялька наносила удары ниже пояса: «Послушай, ты ругаешь русских. А кому больше всего доверяешь?

Человеку не твоего клана и этноса! А кто тобой манипулирует? Да эти «русские» русским духом и не пахнут».

Он вспоминал страшные эпизоды, и в нем клочкотала неуправляемая ярость. Ярость подавлял разум: надо примириться и отпустить прошлое. Ради будущего, ради детей, ра-

ди возможности выскочить из порочного круга, когда кровь пролитая вопиет и взывает к новому кровопролитию. Лялька знала: он перерос ту грань, когда к кровной мести толкает страх стать изгоем среди своих. Трусом он не был и манипулировать собой не позволял. Да потому он и интересен: бредя в жизни в поисках смысла путем проб и роковых ошибок, не боится выскочить за рамки колеи, проложенной этносом, воспитанием, традицией. Это и позволило сидеть вдвоем, жадно сцепившись глазами, в почти виртуальном пространстве, где, казалось, не всякий выдержит эмоциональный накал энергетических ударов, которые они наносили друг другу. Совершенно осознанно.

В косоворотке и лаптях, с яркой кавказской внешностью, приземистой фигурой, типичной для тех, кто по молодости занимался одним из видов борьбы, излюбленных на Кавказе, взрывной и импульсивный, Ахмад выглядел довольно нелепо. Да и Лялька в сарафане не была однозначно органична. Но нелепость входила в расчет: выйти из привычного образа, обнажить боль, которая червем точит душу... В тот раз он приехал за этим. А, может быть, его волновало нечто совершенно иное, а тема просто послужила клапаном, через который шел сброс внутреннего напряжения и неудовлетворенности жизнью. А потом они вместе готовили русский борщ, ели сало с солеными огурцами и приняли по чарке самогона. Вечером долго сидели под звездным небом, и он подробно рассказывал, как прожил пару недель на острове с папуаса-

ми, вдали от цивилизации, гаджетов, бизнес-вовлеченности, мира политики.

– Если хочешь, в продолжение темы, ночуй на сеновале, я специально для тебя организовала.

– Только не говори, что и сеновал – исключительное изобретение русского народа!

Я в детстве часто спал в стогу. А когда бываю в Средней Азии, мы с друзьями выезжаем на охоту или рыбалку. Люблю поспать под открытым небом. Пойду на сеновал!

Утром благостно и беззаботно щебетали птицы. Июньская жара, такая неожиданно ранняя не успела поглотить спустившуюся с гор прохладу. Они допивали чай с любимым овсяным печеньем, когда на садовой дорожке показался Махмуд, друг, охранник и водитель в одном лице. Было видно – у него есть веские основания нарушить табу: категорический запрет беспокоить Ахмада, когда он находится здесь. Они перебросились парой фраз на языке, с трудными для славянского речевого аппарата гортанными звуками, и спешно отбыли. От примиряющей с миром благодати, которая, как сияние, исходила от Ахмада поутру, в мгновение не осталось и следа.

«Храни его Господь!» – подумала Лялька вслед удаляющимся шагам.

Удивительная штука – человеческая память! По мазкам, мелькающим картинкам, запахам, по воспоминанию об ощущениях можно пролистнуть всю жизнь! Причем, в крат-

КИЙ МИГ.

Неожиданный поворот

Кто бы мог подумать, что из этой затеи, которую они весело обсуждали на ее дне рождения в их дамской компании (муж Лейлы, единственный традиционно присутствующий на таких событиях мужчина, был в отъезде), что-то реально получится. Мира с ее острым умом и не менее острым языком провозгласила тезис: пора отбросить ханжескую необходимость деятельно обставлять возможность общаться. Имелись в виду многолетние отношения Ляльки с целой когортой статусных и не маленьких мужчин, которые были в ее обойме в силу теперь уже ее статуса телевизионной дивы, автора популярной программы «О главном без купюр». Разгоряченные радостью встречи и умеренными дозами благородного алкоголя, они, сами того не подозревая, составили бизнес-план их тайного предприятия. Что скрывать, побудительным мотивом, как это нередко бывает, стал корыстный интерес – для таких вот неформальных встреч иметь свой коттедж, кусочек земли, место для уединения от городской суеты, причем совершенно особое – дающее возможность ухода от реальности.

В последние годы они часто слушали лялькины рассказы о героях ее программы. Нередко шутили, что нужно, наконец, как-то «монетизировать» желание некоторых из них заполучить возможность общаться с ней уже вне рамок теле-

студии. Причем в функции, когда она то ли психотерапевт, то ли коуч, то ли гетера разговорного жанра, то ли исповедник в юбке. Дамы они все были не юные, вокруг пятидесяти. Со своими историями и житейским опытом. На семьях у них был один реальный муж – муж Лейлы, юрист, интеллеktуал, с юмором, «царь зверей», как они его называли в шутку, как единственного мужчину их маленького сообщества, в котором также имелись дети и внуки. К счастью, у детей своя жизнь.

Собственно, фигурой, которая их невольно объединила, оказалась именинница. Это она отобрала их из массы встречавшихся на жизненном пути особ, приблизила к себе и перевела в статус подруг. Ну, а уж они сами собой передружились. Кстати, опровергая тезис о невозможности женской дружбы. Женская дружба реальна, если не надо делить одного мужчину. К счастью, такого горя с ними не случилось. Пока не случилось.

В тот памятный день Миру буквально несло, она фонтанировала идеями. Ростом не выше среднего, с прекрасной фигурой, поднабравшей в последние годы парочку килограммов, она умудрялась при своих минимальных финансовых ресурсах выглядеть эффектно, предпочитая гардероб в стиле унисекс. Вот и теперь на ней были широкие брюки в клетку и блуза рубашечного кроя, легкие ботиночки со шнурками без каблука. Все в коричнево-бежевых тонах. К мирной лысой голове с татуировкой сзади они привыкали дол-

го. Что поделаться? Подруга экстравагантна. Жгучая брюнетка с зелеными глазами в какой-то момент превратилась в даму с совершенно лысым черепом. Причем, осознанно, добровольно, приукрасив правильной формы гладкий овал замысловатой тату на затылке. В тот год, когда Лялька выпала из круга их общения, у Миры случился бурный роман с молодым (лет на десять моложе) человеком. Оказался буддистом, богемным, что-то где-то рисовал и даже выставлялся, причем в столицах. Дамы пережили шок. Но Мира, когда ее сын Петька стал на ноги, казалось, наверстывала все то, в чем в предыдущие годы себе отказывала: позволила себе максимум экстравагантности и свободы. Ее острый, быстрый ум и высокий интеллект скрыть невозможно: взгляд, жест, мимика... У Миры были явно породистые предки: аккуратненькие ножки и точеные ладошки, которым приходилось сворачивать горы во имя выживания. Она обладала удивительной дерзкой женственностью, которая сводила с ума одних мужчин и действовала как красная тряпка на быка на других.

– А что, проведем аукцион.

– Какой аукцион? Мира, ты бредишь? – Ника затянулась тонкой сигареткой, выпустила струйку дыма и в этот момент еще больше стала похожа на леди-вамп. Она была самой высокой из всех присутствовавших – под метр восемьдесят. Ника в молодости подрабатывала моделью. Фигура до сих пор осталась безупречной: длинные ноги, ни кило-

грамма лишнего веса. Фитнес, косметолог, парикмахерская, маникюр, педикюр. – это всегда. В последние годы добавились еще инъекции бодекса в разные места. Казалось, она всячески протестовала против тезиса, который исповедовали подруги: стареть нужно естественно и красиво.

– Ничего подобного! Сегодня все продается. «Тендер»! Слышали такое слово?

– Тендер – это серьезно, – не удержалась, как всегда Маруся, для всех – Мария Петровна, профессор филологии, специалист по литературе тюркских народов, прелестная дама, обманчивая в своей мягкости, когда это не касается ее профессиональной сферы. Она в университете вела массу хоздоговорных тем, так что с экономическими реалиями времени была хорошо знакома.

Маруся ножом чистила апельсин, и все невольнo следили, как это она делает своими ухоженными руками с идеальным маникюром. Боже сохрани, без нарощенных ногтей, как у Ники и Любаси. Вообще, Маруся была по-хорошему кругленькой и аппетитной. Яркая рыжеволосая толстушка с выразительными карими глазами. Кстати, без веснушек, что чаще всего бывает у златовласых женщин. Да и «толстушкой» она была, пожалуй, на фоне Ники, потому что и в спортивной одежде, которую она обожала в неформальной обстановке, Маруся выглядела классно. Ее килограммы не мешали сохранять гибкость и хорошо владеть телом. Вот что значит регулярно заниматься йогой! Зато в официальной обстанов-

ке она – образец элегантной классики. С обязательным минимумом золотых украшений – статус профессора обязывает.

– Марусь, ну чо ты? Давай полегче. Сыграем! Сегодня услуга – это товар. А эксклюзивная услуга – преимущество в конкурентной борьбе. Что сегодня представляет самую большую ценность?

– Ты как, глобально или в приложении к жизни человека? – включилась Лейла, которая во всем любила ясность и пока, как и другие, мало понимала, к чему клонит Мира.

Если бы Мэрилин Монро дожила до своих пятидесяти, она, вероятно, была бы чем-то похожа на Лейлу. Яркая блондинка в кудряшках, с хорошо очерченными чувственными губами и множеством украшений. Лейла буквально помешана на «бусиках», как это называет ее муж Алекс. Она предпочитает серебро и умудряется комбинировать, казалось бы, несочетаемое. И удается! Подруги и знакомые навезли ей со всех концов планеты этнических украшений из белого металла. Когда Лейла без украшений, она кажется просто обнаженной. По крайней мере, так реагируют на отсутствие «бусиков» ее друзья и коллеги. Французские духи, заметно расплывшая в своей вальяжной женственности фигура... Это – Лейла.

– Лейла, ну ты – блондинка! Самая большая ценность для человека – время жизни. Только оно невосполнимо. Отмерял тебе Всевышний сколько-то десятков лет, ни больше, ни

меньше. Ты можешь потерять деньги и их восполнить.

– Ну, это уж кому дано, – включилась Лялька. Все подружки помнили, как в эпоху великого передела она со своей организационной хваткой бывшего секретаря горкома комсомола занялась бизнесом, каким-то образом стала владелицей молочного комбината, обанкротилась (или ее обанкротили), потеряла все. Причем, почти буквально. Ей пришлось распрощаться с коллекцией дорогуших бриллиантов, некогда подаренных безумно влюбленным в нее тоже бывшим комсомольским работником, впоследствии секретарем ЦК комсомола одной из союзных республик нашего некогда могущественного Отечества. Теряя все, она-таки расплатилась с работниками комбината. Для нее это было принципиально. Есть в ней это девальвированное нынче качество – «не оставаться должными никому ничем, кроме взаимной любви». Ну, такой она человек. А потом с горя на какое-то время «подседа» на стакан, как не пытались удержать от этого ее подружки. Правда, процесс не принял откровенно безобразный и затяжной характер. В один из критических моментов Лейла собрала всех и предложила отправить Ляльку в паломническую поездку. Что они и сделали, скинулись на путевку и буквально силой затолкали ее в громадный автобус с настоящими паломницами, которые поначалу недоумевали, как сюда попала эта совершенно отличная от них, явно невоцерковленная дама.

Лялька к удивлению подружек из поездки не вернулась,

осела в одном из монастырей на Русском Севере. Просила присмотреть за квартирой. Цветочки в ее отсутствие взялась поливать Любася, жившая по соседству через пару домов. Год на связь не выходила, если не считать открыток к Рождеству и Пасхе. А потом она появилась. И это уже не была прежняя Лялька, «борзая» комсомолка эпохи блистательного секретарства. Это не была громогласная директриса в резиновых сапогах, бизнес-леди молочного двора. К счастью, исчезла бесследно и надломленная, утратившая жизненные ориентиры Лялька периода дрейфа в житейском море без руля и без ветрил. В ней словно вышло наружу ее внутреннее содержание, как будто стала ведома тайна происходящего вокруг. Она постройнела и даже как-то помолодела. И, как ни странно, стала веселее и бесшабашнее. Подруги дивились переменам, потихоньку обсуждали их между собой и ждали, что же будет.

А было то, что очень скоро она устроилась редактором на телевидении. Там работал ее давний товарищ, с которым они по-хорошему дружили еще с комсомольских времен. Именно он и предложил освоившейся на телестудии Ляльке открыть авторскую программу. Знал уровень ее интеллекта, хорошие коммуникативные способности и помнил, как много лет назад и в формализованной обстановке комсомольского собрания она могла создать атмосферу искреннего обмена мнениями, причем даже и не в тему – о том, что волновало молодых по сути, глубинной сути. Предложение Ляль-

ку поначалу ошарашило и даже испугало. Но была обещана полная свобода творческого самовыражения. Что и подкупило, потому что свободу она ценила, пожалуй, превыше всего. Так появилась на краевом телевидении программа «О главном без купюр». Она стала медийным, узнаваемым лицом, в программу престижно было попасть. В нее и попадали местные и приезжие боссы. «Мэры-пэры, депутаты, а по жизни акробаты» – так острая на язык Мира охарактеризовала состав участников программы. Но, без иронии, в ней оказывались люди, обладающие влиянием. И вовсе не всегда «кошельки», как их называла та же Мира. Люди культуры и искусства, известные политики и видные ученые. Ну, конечно, депутаты всех уровней и партийные деятели разных мастей.

Со многими у Ляльки отношения не заканчивались рамками эфира. Ее ума и самоиронии хватило понять, что к сексуальности это не имеет никакого отношения. Обидно и даже больно для женского самолюбия. Поначалу. Все же в свой полтинник она выглядела лет на десять моложе – стильная, довольно острая на язык. Ну, до Миры, как до звезд, но все же. Задавалась вопросом, что им от нее нужно? Им, «порочным детям нашей эпохи». Никого не отталкивала, просьбами и вниманием не обременяла, возможности «детей» не использовала. Разобралась – им просто интересно с ней поговорить.

Как-то спросила у Ахмада. Он больше других отличался

из списка лялькиных «воздыхателей», как называла их Маруся, – совершенно другой этнической ментальностью и какой-то поразительной искренностью: если принял человека, то до конца. Он не раз делал крюк в триста километров, чтобы просто попить с ней кофе и часик поболтать ни о чем.

– Я поговорю с тобой и как будто обновляюсь. Жить хочется. Понимаешь?

Ну, об этой своей особенности она догадывалась давно. Из случайностей складывается статистика. В подтверждение крутились в голове слова отца Амвросия. В своем затянувшемся паломничестве она начала подумывала о постриге, чтобы навсегда остаться в монастыре. Он не одобрил.

– Нет. Ваше место в миру. Служение тоже бывает разным, – таким был его вердикт.

... – И все же деньги можно восполнить, любовь можно пережить вновь... – продолжала Мира.

– Ты любовью так не разбрасывайся, – это Любася вступила в разговор со своей извечной арией «Выпьем за любовь!» Она тоже была блондинкой, светло-русой. С Никой их роднило желание быть, чувствовать, казаться моложе, существенно моложе своих лет. Обе жили в вечном ожидании и, что скрывать, активном поиске своего мужчины «на диван», как это обозначали дамы между собой. Нет, от любви не отказался бы никто! Лейла не в счет: их дружески прочный, «породистый» брак с Алексом, вероятно, уже и был любовью. Ну, или такой считался. Любася следовала духу време-

ни: модны кудри – будут кудри, нужно вытянуть до прямых – будут прямые. И, вопреки своему в прошлом многолетнему учительству, всегда хорошо знала предельную длину юбки, чтобы ножки выглядели наиболее выигрышно. А вынырнув из учительской среды на волю, как женщина, кажется, обрела новое дыхание. Это изумляло и радовало.

Подруги считали, что она влюбилась в «мага», чем вызвала в свой адрес поток довольно язвительных насмешек. Упаси, Бог, не по поводу любви! Эта тема – святая в дамском сообществе. По поводу «магичности» «мага». Они не без иронии выслушивали ее истории: то дождь остановил, то огонь разжег отсыревшими спичками, то в море зашел, а к нему дельфинов стая собралась, то орел, как будто один и тот же, встречал за каждым поворотом дороги. Что было правдой, а что вымыслом в любасиных рассказах, понять было трудно. Но одному радовалось сообщество: после знакомства с ним она как-то мобилизовалась и внутренне перереформатировалась. И достаточно безболезненно пережила свою незадавшуюся блиц-любовь. Даже дело свое открыла – агентство по организации праздников и торжеств. Занимается исключительно радостными событиями: рождение, крещение, свадьбы, юбилеи... Подруги резвились и усиленно подталкивали включить и услугу «в последний путь». Нет, Любася даже радостно хоронить никого не желает. И в своем деле весьма преуспела.

А вот ее неоднократные попытки затащить в сообщество

мага, которые, кстати, поддерживала и Маруся, тоже знакомая с ним по случаю, успехом не увенчались. Дамы дорожили единственным мужчиной в их замкнутом мире – Алексом, мужем Лейлы. Да и он был хорош, потому что дружбе не мешал, иногда председательствовал на их посиделках, был «вещью в себе». Он – профессиональный юрист, специалист в области административного права, часто занят. Это позволяет Лейле в свободное от работы время не пренебрегать сообществом, а, напротив, активно участвовать в его жизни. У Лейлы с Алексом нет детей, но они уже давно приняли эту данность. Холят и лелеют друг друга, в отпуск путешествуют и, кстати, занялись творчеством. Он вдруг неожиданно для дам стал играть на сцене самодеятельного театра и весьма успешно. Даже Мира с ее насмешливостью вынуждена была признать, что в этом что-то есть. А Лейла – мать родная в своем трудовом коллективе (а это крупная строительная кампания). Руководит отделом по работе с персоналом. Она тоже занялась художественным самовыражением – осваивает процесс изготовления ювелирных изделий в мастерской одной местной знаменитости и просто хорошего художника.

... – Ну, что вы все уклоняетесь от темы? Самая большая ценность – время жизни. Только это – истина не для всех. Но уж лялькины мэны это чувствуют, поверьте мне. И предпочитают иметь дело с правильными людьми – энергетически и эмоционально правильными, с донорами. Знают и ценят.

Но пока не рублем. Ну, нет такой услуги, чтобы, просто пообщавшись, обновиться. Психоаналитики не в счет. Нормального еще попробуй найди. Да и у нас в ментальности все то, что с «психо» ассоциируется с психушками. А рядом с Лялькой они обновляются! И это – факт! Из этого можно сделать товар. И без иронии! – Мира убежденно жестикулировала.

Когда суть ее безумного предложения, наконец, дошла до всех присутствующих, их фантазия начала фонтанировать в унисон. И чего они только не придумали.

– Три-четыре по миллиону в год – и коттедж готов! – Майя, финансовый директор фирмы, разливающей питьевую и минеральные воды, быстро «въехала» в тему. И, достав мобильник, на калькуляторе начала производить кое-какие подсчеты.

Глядя на нее, трудно поверить, что эта миниатюрная женщина-подросток обладает мозгами финансового гения. Так считали подружки. Майя всегда была при деле, как бы не менялись экономические правила игры в Отечестве. Маленькая, хрупкая, по-девичьи нежная была большой загадкой для окружающих – с характером и безграничной верой в поддержку Вселенной. Поняв, что с мужем ошибочка вышла – не тот человек оказался, развернула колесо своей судьбы и взяла исключительно на себя ответственность за жизнь свою и несовершеннолетней дочери. Не проиграла! Сохраняет оптимистичный настрой, излучает радость и еще получает кайф, когда называет свой биологический возраст за-

игрывающим с ней молодым людям. В отличие от Любаси, Майя сделала возраст предметом своего женского кокетства. Она перманентно где-нибудь учится. Нынче это легко делать дистанционно.

– Да чего там, можно и одного – за десять! – иронично заметила Маруся, потягивая коньячок, его она предпочитала всем остальным спиртным напиткам.

– Нее, одного – это значит продать Ляльку в рабство! Ты же знаешь, как меняется психология купившего. Лучше несколько по миллиону. Пусть конкурируют! Знают, что купили только часть, только строго оплаченное время, а не всю жизнь, – подливала масла в огонь Мира.

– Ну, вы загнули – миллион! – Лялька почти задохнулась от такой цифры и самой возможности «распродажи» ее жизни.

– Ничего подобного. Мой шеф с друзьями пару раз в год ездит на сафари и в иные путешествия. Говорит – для эмоционального обновления. Все оплачивает. Возвращается «обновленным»... Персональный врачеватель печень и все остальное месячишко реабилитирует. И я знаю цену этих гастролей. От разнообразия пейзажей уже устал парень. Едет за обновлением, хочет гармонии с собой и миром. А заканчивается все экстримом с элементами реального риска, обильно политого алкоголем. Пока в путешествие готовится, радость получает больше, чем от самой поездки. Годовой абонемент за возможность общаться с Лялькой – не меньше

миллиона. Это же не служба социальной адаптации для малоимущих! Нужны люди, обладающие возможностями, а, значит, и влиянием. Кстати, всем во благо: вернутся к корням своей банальной человечности. Гуманнее станут как работодатели, – не отступала Майя.

– Ну, таких, как твой шеф не так много, – включилась Лейла.

– А нам много и не надо. Ляля – штука эксклюзивная, дорогого стоит, – Мира ликовала, что ее стеб произвел такой оживляж и все более обрастает элементами безумства, грозящего превратиться в реальность. – И обладателям абонемента ее не должно доставаться много. Деликатесы не жрут ложками!

– Что вы собираетесь продавать? – решила уточнить Ирча, дама прагматичная. Работа обязывает: даром годы службы в Росфиннадзоре не проходят – цифры в столбик и страницы аналитических записок стали для нее интерпретацией происходящего в мире. – За что покупатель будет платить такие деньги? Лялька – это форма, инструмент, если уж на то пошло, услуги. Я хочу понять суть, ее содержание.

Ирча сидела в кресле, закинув ногу за ногу, перебирая рукой бусы. Она, как и Лейла, любила обилие украшений. Умела их носить. Только они у нее в иной, европейской стилистике. «Аксессуары, важны аксессуары!» – ее любимое выражение и жизненное кредо. В брюках по щиколотку, кремовой блузе, элегантных туфлях на невысоком каблуке, она вы-

глядела уверенной в себе женщиной. По крайней мере, могла произвести такое впечатление. Слегка покачивающаяся нога с задравшейся вверх брючиной была каким-то невыразимым аргументом в пользу ее женственности. У Ирчи были тонкие запястья и щиколотки – признак породы. Дама она достаточно высокая, с крутыми бедрами и плоским животом – предметом зависти всего сообщества. Как все-таки внешность и гардероб отражают внутреннюю суть! Зрелой женщины. Изобразить из себя леди – ее хобби, если, конечно, она была в духе и вспоминала об этом. Ирча отхлебнула пару глотков из бокала с шампанским и вопросительно посмотрела на Миру.

– За что? А... за изменения, да, за личностные изменения в каждом из них. Наконец, за возможность открыть какие-то глубоко потаенные черты в себе. Знаешь ли, встреча с собой реальным дорогое стоит, – продолжала Мира. – Человек, он ведь как сосуд с очень сложным наполнением. Часто и не знает, что на дне или в глубине самого себя находится.

– Люди готовы покупать товар или услугу, известную, разрекламированную. Бренды особо котируются. Кто и как узнает о предложении? Не будет же Лялька сама выходить с ценником к своим «мэрам-пэрам», как ты их величаешь, и предлагать себя – это же пошло, – вставила свое замечание Ника, долгое время просто наблюдавшая за ходом этой безумной дискуссии. Ника много лет работала в городской администрации, а в последние пять была заместителем ру-

ководителя управления по культуре. Дама практичная, основательная. Не стоит обманываться ее легкомысленной женственностью в стиле подиумной модели зрелых лет. Подруги поражались ее способностью последовательно реализовывать свои жизненные цели. Особенно, когда это касалось гардероба и обустройства быта. Здесь Нике, пожалуй, не было равных. Она могла приглядеть понравившуюся брендовую вещь, ходить по несколько раз на примерку и, затаившись, как охотник, ждать, когда на нее появится скидка. И получалось! Ника умудрялась не быть мещанкой, но дружить с вещами. Ее мнение о конкурентоспособности услуг в нематериальной сфере заслуживало особого внимания – именно она внедрила в городской культуре, в смысле в учреждениях культуры, систему различных платных услуг.

– Да, а кто говорит, что это легко? Услугу надо заявить, внедрить в сознание... Знаешь, в детстве говорили, что чистая питьевая вода там, на Западе, продается за деньги, и это казалось безумием. А теперь и ты, и я потребляем то, что Майя со своим шефом разливают.

– Девочки, за качество нашей продукции я ручаюсь! – не преминула вставить Майя. Она откровенно веселилась и получала от происходящего нескрываемое удовольствие. – Но выход на рынок товара, услуги требует профессионализма, времени и денег.

– Послушайте, что вы такие зануды! – не унималась Мира. – Сначала трубим банальное: «Время – деньги!» Это и так

все знают. Все думают о деньгах, не все говорят. Потом, как золотая рыбка: «Чего тебе надобно, старче?» Философский вопрос. А чего надо? Денег и счастья. При чем здесь Лялька? Минуточку терпения. И тут, бабах, тезис: «Старче, преобразись!» Ну, типа, духовное преображение, как квантовый скачок, возможно и реально. И, главное, есть не самоцель, но путь к максимальному раскрытию потенциала и, заметьте, как следствие, еще большему успеху в бизнесе и удовлетворенности в личной жизни... – Мира с облегчением выдохнула. Она, вероятно, и сама не предполагала, что сможет так логично закрутить и, что немаловажно, выпутаться из этой головоломки.

– Как? Как ты предлагаешь это делать? – уже всерьез начала заводиться Лейла, нервно прокручивая вокруг пальца перстень с большим черным агатом.

– Девочки, нам не обойтись без мага, – обрадованно встала Любася.

– Кто про что, а вшивый про баню. Любася, не исключено, и твой маг нам, наконец, пригодится. Словом, детали обдумаем, главное, мы знаем, что надо концептуально. А потом, кстати, проведем то, с чего я и начала, – аукцион.

– Мира, тебя несет, – Ирча резвилась, знала: скептицизм – во благо. Нетривиальный мозг Миры выдаст новую порцию для драйва.

– Да, аукцион! Лот первый и единственный – время жизни Ляльки. Что, слабо? Да с нашим потенциалом. – Мира

кивнула в сторону Любаси и Ники.

Любася в своем агентстве стала асом в проведении корпоративов, свадеб и торжеств любого интеллектуального уровня сложности и изыска. По запросу клиента – в духе времени.

– Придумаем повод, соберем лялькиных друзей-поклонников на закрытую вечеринку в хорошем ресторанчике, потом, как на невольничьем рынке, выведем рабыню духа и продадим... время ее жизни (это я про нашу Ляльку, на всякий случай). Интим исключается! Вы направление мысли улавливайте, а детали появятся. И не надо о цене вопроса. Майя как говорит? Деньги – это инструмент, важный, но не первоочередной ресурс, когда это касается стратегического планирования. Да и вообще: дорогу осилит идущий.

Была пятница. Резвились по полной. Разошлись за полночь. Словом, день рождения удался.

Путь к себе

На следующее утро Лялька проснулась, четко помня свой сон. Будто собралась в дорогу, и отец Амвросий ее благословил. Дорога эта была едва заметной тропинкой, ведущей в темный лес. Ей и жутко страшно, а идти надо. Именно этот сон заставил Ляльку серьезнее отнестись к тому, что они с подачи Миры обсуждали накануне. Не так часто ей во сне являлся отец Амвросий. Так случилось перед какими-то важными, поворотными событиями, например, перед появлением ее авторской программы «О главном без купюр». Тогда приснилось: пьют они чай с отцом Амвросием в ее гостиной, а в это время по телевизору идет программа, и в кадре она ни много ни мало с президентом страны. Редактор информационных программ – лицо закадровое. Ляльке сон показался забавным бредом. А буквально через несколько дней поступило предложение о ее авторском телешоу, так кардинально изменившем ее жизнь.

А еще и слова его вспомнились: «Служение бывает разным». И стали всплывать сами собой картинки из ее недавнего прошлого.

В той знаковой паломнической поездке она какое-то время пребывала в состоянии зомби. Ходила со всеми по монастырям и церквам, осеняла себя, как и все, крестным знаменем, ставила свечи, заказывала службы и... ничего

не чувствовала. С недоверием наблюдала, как истово, часто со слезами молились ее спутницы, как подходили к батюшкам за благословением, как окунались в святые источники. На лицах многих потом считывала благодать. И не верила. Думала – играют, вошли в образ. От долгих служб у нее ломило спину, ноги деревенели. До конца не всегда могла выстоять. Чин службы понимала с трудом, молитв, кроме «Отче наш», не знала. Половину текстов и слов уловить не могла. И монахи казались ей убогими. Особенно, когда припадали к ручке для целования. Зато получала истинное наслаждение от архитектуры храмовых построек, любила рассматривать иконы, внимательно вглядываясь в лики Святых. Было лето, и золоченые, а порой и расписные луковки церковей удивительно органично вписывались в природу Русского Севера. Места для всех этих сооружений выбирались на удивление красивые.

Разговоры спутниц по поездке слушать не могла: и то они почувствовали, и там побывали, и чудеса повидали, и именами Святых сыпали, и как вести себя в храме знали, и молитвами обменивались, и водой святых источников запасались. Нет, она не насмеялась над ними. Внутренне, про себя, она старалась выйти из оценочного пространства, словом, пыталась стать пустой. На третий день поездки у нее окончательно выветрились мысли обо всех ее перипетиях, оставшихся в далеком Славногорске. Они как будто отодвинулись в иное пространство, утрачивая актуальность. По крайней мере для

ее жизни в ипостаси паломницы. В какой-то момент Лялька решила оперировать двумя категориями: чувствую – не чувствую. Совершенно не уточняя для себя, что же предполагалось почувствовать.

В монастырях жили в гостиницах для паломников, условия близки к спартанским. Нужно было принимать участие в работе, которую почему-то называли «послушанием». Чаще всего убирать в храме, иногда помогать на кухне и в столовой, по-монастырски – «трапезной». Лялька работала, не уклонялась, но без особого рвения. Через неделю у нее наступило состояние, которого достигают долгими месяцами медитации – появились достаточно продолжительные паузы между мыслями. Ей это было знакомо. Как-то в детстве она тяжело заболела ангиной с высокой температурой, с раздражающей болью в горле, ужасным компрессом на шее с жесткой царапающей, когда высохнет, компрессной бумагой. На пятый день температура, наконец, спала, и наступило состояние упадка сил. В голове стало практически тихо: редкая мысль посещала сознание. И все они касались актуальности момента. Такое состояние безмыслия наступило и в этой казавшейся бесконечно долгой поездке по монастырям. Мысль затормозила, а вот слух невероятно обострился: жизнь вокруг зазвучала, как оркестр. Иногда казалось, что она превратилась в большое ухо, которое одновременно улавливало разговор двух остановившихся на пригорке монахов, щебет детей, неизвестно откуда-то появившихся

ся в таком количестве (человек десять, не меньше), звон посуды в трапезной, рычание мотора заводимой монастырской машины и жужжание голосов ее спутниц по поездке... И все это одновременно на фоне музыки живой природы – шума ветра, пения птиц.

После утренней трапезы она отдраила две двадцатилитровые кастрюли, начистила ведро картошки и миску других овощей для борща и была свободна. Вышла на волю и чуть не задохнулась от открывшейся красоты: как удивительно вписался монастырь в этот лес с высокими соснами с рыжими стволами, темной зеленью хвои и песочной массой осыпавшихся на землю иголок. А еще это синее, да прямо-таки синее небо над головой! Она почувствовала желание зайти в монастырский храм. Сработала данная себе установка: чувствую – не чувствую.

Храм был практически пуст. Две паломницы из ее группы дочищали круглый большой подсвечник. Она никак не могла запомнить, как называются по-церковному эти канделябры. Села на скамеечку у самого входа. Хотела устало вытянуть ноги, но сдержалась, просто удобнее оперлась спиной о стену.

Какой красивый все же здесь иконостас! А перед алтарем, как будто на невысоком подиуме еще несколько икон внушительных размеров. Во время утренней службы одна – с изображением Матери Божьей – привлекла ее внимание. Ее лик словно магнитом притягивал взгляд. Она и сейчас смотре-

ла на Нее. И тут Ляльку то, что называется, проняло. Она, такая сильная в своей предыдущей жизни – комсомольский секретарь, бизнес-леди, правда, обанкротившаяся, – почувствовала себя маленькой, обиженной и страшно горящей девочкой. Почему, почему все так случилось? В приличном возрасте без семьи и ребенка, без дела, без целей, планов? Почти на грани бездны алкоголизма... За что? И вдруг поняла, что плачет. Она даже не почувствовала, когда появилась первая слеза, просто глаза потеряли остроту восприятия. Концами косынки утерла слезы – у нее не оказалось с собой носового платка. Она просто и не предполагала, что может расплакаться, подобно другим спутницам по путешествию. А лик будто притягивал к себе. В храме уже никого не осталось. Лялька встала и подошла.

Мать Божья, которую обычно изображают с младенцем на руках, на этой иконе держала мальчика лет четырех. Он стоял, а Она будто Его придерживала. Лялька рухнула на колени. Она не стояла, как это делают во время службы, держа корпус прямо, она рухнула лбом об пол, совершенно не думая о том, насколько эстетично выглядит. Какое ей было до этого дело? Она надрывно рыдала, казалось, зацементированная боль-обида на жизнь с треском, как льдина, разламывалась в ней на куски. «Мать Божья, помоги! Прости! Я грешна. Я не знаю, как жить». Если бы годы спустя ее попросили повторить, что она тогда как-то складно, неизвестно откуда взявшимися словами говорила, отрывая лицо от до-

щатого пола и время от времени поднимая глаза к лику, она просто ничего не смогла бы воспроизвести. И даже сколько это продолжалось по времени – пять минут или полчаса – сказать не смогла бы. Поднялась с пола на ноги, когда почувствовала, что ей стало легче. Лик был и прежним, и другим. Для нее другим. Впервые за всю поездку неформально перекрестилась, поклонилась в пояс и тихо вышла из храма.

Перед вечерней Лялька, не дожидаясь колокола, собиравшего всех насельников монастыря к молитве, специально пораньше зашла в храм. Ей хотелось посмотреть, что это за лик. «Взыскание погибших», – прочитала вязь букв. – Да, это обо мне, я погибла или почти погибла». И почувствовала надежду и какое-то особое доверие к красивой молодой женщине, что была изображена на иконе. Мальчик Иисус трогал рукой красный камень, который был на шее Марии в красивом вороте-ожерелье, стягивающем ниспадающие полотнища Ее бордового наряда с ярко-синим верхним покровом. Так часто делают дети, играя бусами и украшениями своих мам, когда они их держат на руках.

– Это очень сильная, чудотворная икона, – услышала она мужской приятный голос. Перед ней в черной монашеской одежде стоял человек на голову выше нее с удивительно правильными чертами лица, седой бородой и такими же седыми волнистыми волосами. Он был удивительно красив! На вид лет пятидесяти с небольшим. Его глаза смотрели как-то глу-

боко внутрь Ляльки. Ей даже показалось, что она перед ним голая. Но почему-то стыда не было.

– К ней приходят с мольбой об освобождении от пороков, притекают с ходатайством об исцелении болезней глаз и слепоты, от недуга пьянства, при головной боли, о вразумлении отпавших от веры Православной и о возвращении заблудших в Церковь, – продолжил он.

Каждое его слово было обращено к ее глубинной внутренней сути. Казалось, он видит ее насквозь.

– Вы правильно выбрали икону, у которой следует молиться. Хотя, когда вы здесь, полны раскаяния и надежд, каждый из Святых, глядящих с ликов, готов помочь вам и, поверьте, пытается это сделать. Надо быть готовой принять эту помощь.

– «Когда я молчал, обветшали кости мои от вседневного стенания моего, ибо день и ночь тяготела надо мной рука Твоя. Свежесть моя исчезла, как в летнюю засуху. Но я открыл Тебе грех свой и не скрыл беззакония моего. Я сказал: „Исповедаю Господу преступления мои!“ И Он снял с меня вину греха моего», – помните строки из псалма Давида?

– Стыдно признаться, но не только не помню, но и не знаю. Что мне делать с моей жизнью? Подскажите!

– Давайте завтра, сейчас уже время вечерней. Да и утро вечера мудренее.

– Как мне вас найти, я вижу вас впервые.

– Зато я наблюдаю за вами ровно три дня, как вы здесь.

После утренней и трапезы приходите сюда, в храм. Если будут привлекать на послушание, скажите: «Отец Амвросий велел быть в храме».

И он ушел за алтарную стену. А Лялька, как во сне, переместилась на свое место в левом углу храма – там была скамеечка, если устанешь долго стоять и успеешь оказаться рядом раньше других, можно присесть. К своему удивлению, уже более внимательно следя за службой, услышала в хоре голосов других священников, руководящих богослужением, голос своего недавнего собеседника. А память подсказала – он звучал во время службы все эти три дня, что они были в монастыре.

Тяжелая работа

Лялька спала беспокойно. Голова вспухала от опять обрушившихся мыслей. Казалось, что они влетели, распахнув запертую дверь, за которой столпились за дни тишины разума.

«Что мне говорить? И чем он может мне помочь? Как мне объяснить все, что со мной произошло? И кому нужны чужие проблемы? Кто я такая, чтобы тратить на меня время?»

Лялька всегда знала цену времени жизни. Не любила людей, которые претендуют на внимание, если были ей не интересны. Это не мешало в прошлом работать, как это теперь принято говорить, топ-менеджером в сфере молодежной политики, а потом в бизнесе. Она была достаточно прагматична, могла отстраниться и уйти от назойливого общения, если личность, как ей казалось, не заслуживала того. Добродетелью терпимости не обладала. Правда, умудрялась делать это в меру деликатно, но границы своего личного пространства охраняла. Близко к себе допускала тех, кого любила. Уж если впустила, так впустила. И никогда ничего не делала наполовину. Ирча всегда говорила: «У тебя середины нет. Меры ты не знаешь». Это так и было. Иронизируя над собой, определила: ее метод познания мира и способ общения с ним – это ограниченный во времени фанатизм. Ей всегда претила фальшь, и честность она считала наименее энергозатратной, а, значит, наиболее предпочтительной

формой отношений. Предъявляя себя миру такой, какой была, с щенячьей наивностью полагала, что и остальные поступают так же. И только с годами поняла – так работает механизм ее мировосприятия, но это не повод требовать того же от окружающих. Они – другие.

Измучившись в полудреме, утром встала разбитая, но прежняя – злость на себя, как ни странно, вернула волю к жизни. Она не знала, чего ждать от предстоящей встречи с отцом Амвросием и решила успокоиться – будь что будет. На утренней стояла спокойная и пустая. Одними глазами наблюдала за священниками, изредка поглядывая на ее, как она для себя уже определила, икону. Боялась разменять глубокое внутреннее чувство, которое испытала накануне. А после трапезы, отговорившись от послушания, не без внутреннего трепета вошла в храм.

Там, как обычно после службы, несколько послушниц драили церковную утварь, счищали воск с подсвечников, натирали до блеска позолоту и смазывали кисточками маслом. Отца Амвросия видно не было, и она опять присела на свою излюбленную скамеечку. Удивительный храм! Почему-то именно здесь она ощущала какое-то невероятное спокойствие. Или так в любом храме, просто она этого не замечала?

Отец Амвросий появился из-за алтарной стены и направился прямо к ней.

«Какой красивый и... монах. Да его к нам в Славногорск,

мои бы подружки на дуэли перестрелялись», – подумала Лялька. И тут же ужаснулась – уж больно неуместной показалась влетевшая в голову мысль. Она встала.

– Доброе утро, а точнее день, – как-то просто произнес отец Амвросий. – Как вам у нас? Да вы присаживайтесь, – и он сел на скамью поодаль.

– Мне здесь нравится. Я не часто бываю в монастырях и в храмы хожу не часто, а точнее редко, но здесь мне как-то легко. Нет, даже не легко. «Легко» – не то слово. Мне здесь как-то особо.

– Вы же из Славногорска? Просто у нас сейчас две группы паломников – из Екатеринбурга и из Славногорска. Летом нас много посещают. Из разных мест. Некоторые приезжают по нескольку раз. Иногда живут неделями. Говорят, что здесь легче разобраться в себе, найти путь к себе настоящему.

– И как они этот путь находят? – в ее голосе прозвучала тайная надежда.

– По-разному. Но все сходятся в одном: здесь загадочным образом приходит понимание истинного значения событий, произошедших в жизни, истинный смысл событийного ряда, я бы так сказал. А от этого готовность принять свое прошлое, простить и отпустить свои обиды, подняться над суетой житейской и понять, куда двигаться и что делать.

– И у всех получается?

– Статистику не ведем, – он улыбнулся. – Храм принимает всех. А вот кто с чем уезжает, знать не дано. И я не возьму

на себя смелость говорить о многих. Единицы раскрываются, и не все могут, находясь здесь, сразу осознать, что же они получили. Мы стараемся помочь каждому. Но разве любой готов принять помощь?

– А что нужно, чтобы быть готовым? – она с надеждой заглянула ему в глаза.

– Нужно быть открытым и честным – перед собой, перед Всевышним. И стремиться стать лучше, чище. Думаете все, кто это декларируют на словах, на самом деле этого хотят? Вы ведь замечали, что больше всего человека ранит жесткая правда о себе? Надо обладать смелостью, чтобы увидеть себя таким, каков ты есть... – он не отвел взгляд.

– Покаяться? Видела я уже и кающихся, и рыдающих. – Лялька хмыкнула и опустила глаза.

– А вы когда-нибудь причащались? – спросил он буднично, словно между делом.

– Нет, что вы, – в ее голосе – испуг с растерянностью, словно, он спросил: «Вы же уже слетали на Луну?»

– А вы примите причастие. Здесь, у нас. А слезы в храме тоже бывают разные. Есть слезы искреннего раскаяния и вселенской боли, есть артистически-ритуальные слезы, когда рыдает эго, освобождая совесть слезопролитием, есть слезы освобождения... Не всегда слезы – показатель искренности и веры. Но причастие – это таинство. Это – огромная работа верующего над собой, это, если хотите, – шанс, который Господь дарует человеку через церковь и ее священно-

служителей, – он был спокойно убедителен.

– Я не готова.

– К чему не готова? – улыбнулся отец Амвросий. – Я и не предлагаю это сделать сейчас. На это, действительно, нужно некоторое время. Или вы не готовы встретиться с самой собой? А как же стремление постичь глубинную суть людей, вещей, явлений? – спросил с полуулыбкой.

И тут Ляльку проняло во второй раз. Она удивленно-обезоружено посмотрела на этого человека в монашеской рясе. Как, каким образом ему ведомо о ней, как ей казалось, глубоко личное, почти забытое и, точнее, перекрытое событиями ее жизни последних месяцев? И сразу всплыло воспоминание двухлетней давности. Заработав поначалу своего молочно-товарного бизнеса приличные деньги, Лялька не упустила возможность съездить в туристическую поездку в Израиль. Прямые рейсы из соседнего города позволяли на недельку «припасть к экзотике Святой земли», как она говорила своим подружкам. И эта формулировка, казавшаяся ей такой оригинальной тогда, почему-то теперь резанула своей бравурностью на грани кощунства.

Иерусалим ее потряс. У нее и сейчас стоит перед глазами панорама бело-розового города в лучах заходящего солнца, ослепляющее золото купола мечети, потрясающий вид на Масляничную гору и площадь пред Стеной плача. Куда девалась усталость после многочасовой экскурсии по старому городу и посещения Храма Гроба Господня! Она выта-

щила пакетик с многочисленными записочками всех своих родных и подружек и подошла к Стене плача. Сначала суетно-делово разыскивала расщелину, куда можно было бы их пристроить, не потревожив уже находящиеся в стене. Удалось! Потом, как бы сбросив с себя бремя ответственности, остановилась. Ей хотелось всеми своими чувствами и мыслями оказаться здесь и сейчас. Рядом стояли девушки, женщины, девочки. У некоторых были открыты книги, они что-то читали, шевеля одними губами. Некоторые совершали телом колебательные движения с легким полупоклоном в довольно быстром ритме. Казалось, никто ни на кого не обращает внимание.

Свою записочку она писала накануне. Да и записочкой это назвать сложно – три странички, вырванных из блокнота, были испещрены пожеланиями мелким убористым почерком. Лялька попробовала извлечь из памяти что-то наиболее значимое. И... не смогла. Мысли расплывались, как кисель. Воля вышла из нее, а тело, совершенно неосознанно начало совершать такие же колебательные движения, как и у других, стоящих с ней рядом. От неожиданности она испугалась. А испугавшись, решила, что пора возвращаться к месту сбора группы. И двинулась спиной вперед, оставаясь лицом к Стене плача, как это и делала основная масса женщин. Потом здорово разозлилась на себя – почему предательский страх так часто является ее реакцией на неожиданность!

Просьбы и пожелания были обо всем: глобальном и личном. Но прошли недели, месяцы, а в памяти четко осталось всего три: понять истинную суть людей, вещей, явлений, почувствовать и пропустить через себя две важнейшие энергии, определяющие многое, если не все в мире людей, – энергию больших денег и большой любви.

Как, в силу каких причин и обстоятельств отец Амвросий смог понять, прочувствовать, прямо-таки считать с нее одно из них? Такое миллиметровое совпадение до точного выбора ее формулировки? Свои переживания у Стены плача она посчитала глубоко личными, практически интимными, и никому о них не рассказала. Даже своим дражайшим подружкам, ограничившись тезисом, что в Иерусалиме, как нигде, чувствуешь, что это – Святая земля.

– Что я должна сделать, чтобы причаститься? – с робостью первоклассницы спросила Лялька.

– Сначала надо исповедаться в своих грехах и прегрешениях. Отстоять вечернюю службу, подержать пост – не вкушать скоромной пищи. Можно поголодать. Вы уже четвертый день в монастыре и уже две недели в паломнической поездке, так что завтра поутру можно к исповеди и причастию.

– А в каких грехах надо исповедаться и как это делать? – «первоклассница» уточняла сложность задачи.

– Чтобы было проще, откройте и почитайте Заповеди Господа нашего Иисуса Христа. Лучше, если вы на бумаге изложите то, что считаете греховным в вашей жизни. Будьте ла-

коничны – важно понять суть греховного действия, характер силы, которая за ним стоит. Поначалу сам человек определяет, что он открывает и признает греховным. Не зря же к исповеди люди идут за отпущением грехов. Грех – груз на вашей душе. Никто из живущих не может решить за вас, что вас обременяет, в чем вам исповедоваться. А для Господа изначально ничто не является тайной.

– У меня все в жизни наперекосяк... Вероятно, я – великая грешница, – она упала духом.

– Не страдайте манией величия. Едва ли вы изобрели нечто в этом смысле, чего уже не было в истории человечества. «Что было прежде, то и будет впредь, а то, что было, человек забудет. Покуда существует эта твердь, вовек под солнцем нового не будет». Помните, из Екклесиаста?

– Помнить можно то, что знал. Слышала в общих чертах. А это – не знание, – злясь почему-то на себя, Лялька начала защищаться, хотя никто на нее не нападал, и, как нередко это делала в обычной повседневной жизни, стала выпускать иголки.

– Вы не нервничайте, – с сочувствием он посмотрел на нее, – мы еженедельно принимаем исповедь десятков людей. Но я вас понимаю, это трудно сделать впервые, тем более в неюном возрасте. Вы должны знать, что тайна исповеди священна. И, поверьте, вы уже готовы к этому. Я наблюдаю за вами с начала вашего появления здесь. Но исповедь и причастие – дело исключительно добровольное. Передайте, что

я освободил вас от послушания на сегодня. У вас нынче другая, гораздо более тяжкая работа.

Любовь-морковь

Промучившись весь остаток предыдущего дня и вторую бессонную ночь, Лялька поняла, что к исповеди и причащению не готова, зато готова пожертвовать маршрутом остальной паломнической поездки, чтобы неделю остаться именно в этом монастыре, подумать, поразмышлять... Вдруг получится почувствовать эту самую готовность? А потом через неделю присоединиться к своим спутницам и благополучно вернуться в далекий Славногорск. Отец Амвросий ее желанию внимал серьезно. И все же в глубине его глаз ей почудилась легкая добрая смешинка. Такая гремучая смесь сострадания к ее иступленному фанатизму и готовности к самобичеванию. Но все бrenно, все проходит... И ты ли выбрал декорации и действие под названием «жизнь»?

Неделя в монастыре превратилась в год, пожалуй, один из самых содержательных в ее жизни. Причем не из-за внешних событий, а из-за каких-то глубинных сущностных вещей, смысл которых открывался ей постепенно в размеренном укладе монастырской жизни, в незатейливом послушании, в котором довольно быстро оказалась востребована ее ранняя комсомольская организаторская хватка, и, главное, в постоянном общении с отцом Амвросием. По любым вопросам.

Зато в это время у Любаси, продолжавшей присмотр

за цветочками и квартирой Ляльки, происходили бурные события с яркими эмоциями, страстями, заоблачными взлетами и катапультирующими падениями. О, как же ей не хватало своей задушевной подруги! Сколько ошибок она могла бы не совершить, будь Лялька рядом. Девятый вал внезапной, безумной и, как водится, абсолютно парадоксальной любви обрушился на бедную Любасю, когда она была к этому совершенно не готова. Как будто к влюбленности или любви можно заранее подготовиться!

В то время она еще работала в школе, преподавала английский. Педагогическая нагрузка чуть меньше ставки. Все ее время занимала воспитательная работа, она была организатором. В перестроечное время борьба за выживаемость традиционно по-русски не жирующих учителей привела к катастрофическим изменениям в педагогической среде: наиболее активная часть рванула, наступив на горло собственной песне, в бизнес, точнее челночный бизнес, в сомнительные, но приносящие несопоставимые с учительским довольствием фирмы и фирмочки. В Любасиной школе директорисе удалось каким-то немислимым образом сохранять хорошо отработанную в советской педагогике модель воспитательного процесса. С учебным она справиться была невольна: учебники, методики менялись головокружительно, создавая у «генетических» педагогов устойчивое представление, что кто-то на самом верху и впрямь задался целью ликвидировать то, несомненно, лучшее, что было десятилетиями

ями накоплено, апробировано и давало зримые результаты. Можно оспаривать идеологические подходы в преподавании предметов общественно-политического цикла, но математику, физику, химию, биологию в советской школе давали в хорошем объеме и разумной последовательности. Можно ставить под сомнение выбор для обязательного изучения каких-то произведений советской литературы... Собственно, ничего абсолютно идеального в мире и не существует. Но грамотность, навыки устной и письменной речи, знание основ естествознания и точных наук в общем массовом разливе советская методическая модель выдавала на достойном уровне. Как Агафье Тихоновне (так старорежимно звали Любасину директрису) удалось в годы полного разброда и шатания сохранить школу в ее гуманистически-воспитательной роли, одному Богу ведомо. Складывалось впечатление, что Агафья решила – началась война за души ее учеников. Прогрывать она не собиралась! Бред с учебными программами и постоянно меняющимися учебниками пыталась снивелировать (ее статус заслуженного учителя немало этому способствовал), а вот воспитательную, внеклассную работу она только усилила. Поняла: в борьбе за выживаемость не до своих чад стало многим родителям. А плодить беспризорность в отведенном околотке Агафья не могла. И любасина школа стала работать чуть ли не в восемнадцатичасовом режиме. Кружки, студии, спортивные секции, факультативные занятия... Каждый день происходили какие-то события. В орби-

ту школьной жизни вовлекли всех вменяемых родителей.

Агафья Тихоновна увидела в новом хаосе перемен и какие-то бесспорные плюсы. Она поняла задолго до введения безумного ЕГЭ: нужно внедрять в учебный процесс производственные принципы контроля качества. Негоже, когда учитель преподает, он же, единственный, и контролирует результат на выходе в виде усвоенных учениками знаний. Исключила соблазн в последние дни перед концом четверти нарисовать или дорисовать в угоду заинтересованным родителям оценки в журнал любимому чаду. Используя платные услуги, лицемерно не пряталась от реальности репетиторства. И, наконец, внедрила систему, в которой дети с разным уровнем способностей могли, не испытывая комплексов неполноценности и ненависти к самому процессу обучения, получить знания в рамках стандарта школьной программы или даже выше: классы одной параллели формировались с учетом индивидуальных возможностей детей. И, если ты способнее в точных науках, обладаешь лучшей памятью, это не значит, что как человек, ты лучше качеством. Люди разные. И все это – в рамках педантично организованного учебного процесса. В ожесточающемся внешнем мире комфортность ученика в школе стала для нее важнейшей из задач. Агафья Тихоновна основала свою реальную территорию здравого смысла. И Любася была правой рукой директрисы, асом в организации внеклассной воспитательной работы. Выкладываться по полной у нее была и личные мотивы.

вы – в школе учился, да что там учился, практически жил ее сын Вовочка. Воспитывала она его одна, родила от безумной любви к канадскому инженеру. Он появился в Славногорске для наладки оборудования по розливу минеральной и просто питьевой воды. Словом, того, что впоследствии оказалось в собственности майиноного шефа. Уезжать из страны в любасины планы не входило. Да и не могла она оставить здесь одну маму, энергичную молоджавую женщину, которая и помогала растить Вовку-«канадца». К моменту начала лялькиного паломничества «канадец» успешно учился на втором курсе губернского вуза, был достаточно самостоятельным, умудрялся сам зарабатывать на жизнь, обожал мать и бабушку, наезжал в гости по праздникам и в телефонном режиме контролировал настроение и общий ход событий их напряженной, но в целом благополучной жизни.

Губернская администрация (надо отдать ей должное) в трудное перестроечное время пыталась поддержать учительство. Зимой, когда наполняемость приморских курортных здравниц была нулевой, в одном из пансионатов, расположенных на крутом морском берегу, организовала курсы повышения квалификации для педагогов, совместив их со всяческими оздоровительными процедурами. И все это совершенно бесплатно! Может, и была корысть кого-то распределяющего бюджетные потоки, как это повелось в нашем Отечестве в последние десятилетия, но педагоги этому обстоятельству были безмерно рады. Это – о возможности сов-

местить полезное с приятным – профессионально обновиться, подлечиться и немного отдохнуть.

Агафья увидела в феврале, что Любася дошла до кондиции усталой лошади и отправила ее на пару недель в такую поездку. Хладное, суровое море, продуваемый ветрами бульвар, практически обезлюдевший курортный городок, вполне приличный пансионат. Ну, не пять звезд... Но вполне сносная еда, чистенький номерочек и полная смена обстановки. В первой половине дня нечто, напоминающее курсы повышения квалификации, а во второй – процедуры по желанию и жизненным показаниям. На такие глупости Любася размениваться не стала. У нее – своя стратегия реабилитации – отключающие мозг дамские романы и детективы, прогулки, морской воздух и здоровый сон. Словом, сменила фишку. Это было ее излюбленное выражение. Кстати, стала свидетелем довольно редкого явления: по непонятным причинам огромное количество перелетных птиц из числа водоплавающих – лебеди, гуси, утки, селезни – остались на зимовку в прибрежных водах. Это было красивое, необычное, просто потрясающее зрелище! Любася поначалу после завтрака прихватывала с собой пару кусочков хлеба, чтобы покормить пернатых. Но очень быстро поняла, что парой кусочков не обойдешься – птицы голодны. Заходила в продовольственный, скупала буханки хлеба и какие-то крупы. Ее примеру последовали сердобольные малобюджетные коллеги, так что в те две недели птиц прикармливали.

В поездку она ехала с единственной установкой – отдохнуть, эмоционально обнулиться, поэтому все мероприятия первой половины дня пропускала через себя, как свозь сито. Тянуть на себя одеяло и активничать в ее жизненные планы не входило. Того, что затеяла в школе Агафья Тихоновна, хватило бы не на один день обмена опытом с региональными коллегами. Они были только на подступах к тому, что Агафья внедрила давно, выйдя на тропу войны с повседневными парадоксами реальности. Первая неделя прошла в безмятежном спокойствии, вежливом, но довольно отстраненном общении с коллегами, пробежками по морозному свозняковому бульвару, последующим испитием горячего чая и глинтвейна с местными винами – дегустационный зал был рядом с пансионатом.

Послеобеденный сон позволял до глубокой ночи погрузиться в чтение очередного головокружительного любовного романа либо напряженно от страницы к странице отслеживать ходы расследования идущих по пятам преступников современных Пуаро и мисс Марпл.

Пансионат был полупустым. А точнее был скорее пуст, чем заселен. В отсеке с любасиным номером, казалось, она проживает одна – только редкое хлопанье открываемых и закрываемых дверей обнаруживало присутствие иных постояльцев. Прекрасное чувство – ты наслаждаешься уединением, но где-то поблизости есть не докучающие соседи! А ей нужно было именно такое ощущение реальности – оно вра-

чевало и восстанавливало. И вдруг поутру она проснулась от весьма характерных звуков, долетавших (ну, и звукоизоляция!) из номера где-то рядом. Накануне допоздна дочитывала бурный любовный роман с сексуальными сценами на грани откровенного физиологизма, достаточно изобретательного и эротичного, чтобы вызвать и в ней самой какое-то подзабытое томление в части тела, откуда поднимается Кундалини. Спросонья предположила, что это – звуковой ряд снившегося ей сладкого эротического сна. Звуки были реальны и не допускали двойственности: за стеной brutally занимались сексом. В иных ситуациях вы никогда не услышите этих неповторимых соло женского сладострастия. Ей стало реально неудобно, будто она подглядывает за кем-то в замочную скважину. Быстро поднялась, отправилась в ванную – разбудили ее вовремя – завтрак через пятнадцать минут, а на занятия опаздывать просто неприлично.

За завтраком выяснилось: постояльцев в пансионате поприбавилось – накануне заехала многочисленная группа на семинар по не вполне традиционному чему-то. Прислушав за ометом комментарии коллег, поняла, что некий региональный центр занимается оздоровлением и социальной реабилитацией соотечественников, изрядно ошарашенных социальными катаклизмами последних десятилетий. Использует современные психологические технологии с крутым замесом восточной и народной медицины. Здесь они проводят трехдневный семинар своих региональных пред-

ставителей. Мужчин в прибывшей команде было несравненно больше. Любася подивилась, как моментально изменилась атмосфера в уже привычном за неделю зале: и ее «педагогини» как-то приосанились, и общий тембр щебета при совместном массовом поедания пищи, стал иным. Вот оно – магическое слово «полярность»!

Потом публика разбрелась по разным конференц-залам. День пошел по довольно привычному руслу. Любася была не в себе. Все же нужно раньше отходить ко сну. Ну, дочитала бы сегодня роман. Да, захватил в момент чтения. Но память уже почти ничем не обременял. А тут еще такое пробуждение, как нынче утром! Потерла виски, открыла сумочку. Где-то должен быть цитрамон. Копеечный препарат, который лучше всего помогает при головной боли. Болеть не собиралась, забыла дома и, конечно, ничего не нашла. Спросила у соседки – темпалгин, спаз- малгон, но-шпа... Все есть, кроме того, что нужно. Во время кофе-брейка решила подойти к администратору на ресепшен: в постсоветском пансионате должна быть аптечка, обращаться к медперсоналу совсем не хотелось. Еще и погода подкузьмила: началось резкое потепление. Февральские окна?

– Девушка. У вас есть аптечка? Не найдется ли пара таблеток цитрамона? Схожу в обед в аптеку и обещаю вернуть.

– Зачем нам цитрамон? – услышала неожиданно приятный мужской голос, подкупивший еще и этим местоимением «нам».

Повернула голову, и поняла, что пропала. Вот так в одну секунду! Перед ней стоял не красавец, не Аполлон – седые виски, прямые волосы, зачесанные наверх, довольно аккуратная стрижки. Для Любаси это было почему-то важно: кого-то волнует обувь, кто-то смотрит на руки, для кого-то губы говорят все... Для нее были важны ухоженные волосы и лучше стильная, но пойдет и просто аккуратная стрижка. Голова ее устроила. Глаза тоже. Сине-серый оттенок радужной оболочки и взгляд такой бегло-сканирующий. Нет, не бегающий, а спокойно считывающий. Ботинки, темно-синие джинсы и мягкий черный свитер, удивительно хорошо оттенивший и седину, и цвет глаз.

– Голова болит – погода меняется.

– Дайте руку. Да не бойтесь, не откушу же я ее. Нажму на точки, может быть неприятно, потерпите, зато обойдетесь без таблеток.

Он мастерски повертел ладонь правой, потом левой руки, нажал на какие-то точки. Было ощутимо. А потом на одну нажал так, что она вскрикнула от боли и решительно отдернула руку. Разозлилась.

– Ну, вот и все. Но вам надо проверить почки.

Удивительно – голова не болела, заболело сердце: поняла, ей хочется прикосновения этих рук. А он развернулся на обращение «Аполлон», кивнул ей, в смысле: «Увидимся!» и пошел, как-то, как показалось Любасе, неестественно прямо держа спину. Кофе-пауза закончилась. Стоит ли

говорить, что Любася просто тупо физически существовала в пространстве. С давнего бурного романа с канадцем ее так не поражал ни один мужчина! Нет, она не была святой! Что-то и кто-то мелькал в ее личной женской судьбе, временами оказываясь и в спальней. Но все было не то и не так. Да и ритм выживания, Вовка, Агафья и ее мама, параллельно с работой сутками, опять же практически женская среда в среде педагогической романтическим отношениям не способствовали. А этот не Аполлон, к которому обратились, используя, по иронии судьбы, именно это имя собственное, вдруг ни с чего ворвался в ее внутренний мир!

За обедом, где встречались все постояльцы пансионата, он сидел рядом с довольно статной, пожалуй, лет на пять старше женщиной, приятной внешности, не красавицей, явно главной в той, непедagogической тусовке. Была она внешне демократична, мягка и предельно корректна. Но Любасю не проведешь – заметила комплекс императрицы. Это когда в даме (а в наше время появилось много руководящих дам) прочитывается: да, я смогла, да, я достигла, да, я – здесь самая главная, и этот мужчина – мой, сколько бы вы не пялили на него глаза! Я отвоевала его у остального мира! И он – сертификат моей женской ипостаси!

А он взорвал ее изнутри тотально – душу, сердце, мозг...? Кто разберет? Причем, практически ничего для этого не сделал. Появилось ощущение, будто он все время рядом. А он и был рядом: в коридоре она нос к носу столкнулась с «им-

ператрицей», выходявшей из соседнего номера.

Вечером после ужина тихой мышью пробралась к себе, запечаталась в номере, включила фоном без дела простаивавший до этого телек и вцепилась в свои спасительные книжки с надеждой выдавить образ. От греха подальше, лучше от этого отказаться сразу. В коридоре ближе к ночи раздавались громкие голоса. Делала вид, что погружена в чтение, но голос Аполлона узнала. Правда, ей почудилось, был он хорошо под «шафе». Засыпала сложно, ругала себя на чем свет стоит. Что за легкомыслие – ничего ведь не знает о человеке, даже придумать что-то в традиционной ее манере затруднительно. Есть только звуковая память о сладострастном соло «императрицы» и минутное прикосновение к рукам, приятный тембр голоса, не раздражающая манера одеваться и, о да, аккуратная прическа «врачевателя».

На следующий день пробуждение было не столь оригинальным, как накануне. Мельком взглянула за завтраком в сторону своих соседей по номеру, отметила поколебавшуюся безмятежность «императрицы», некую «помятость» лица Аполлона и почти зримую трещину их общего энергетического поля. Эти двое накануне, находясь рядом, производили гораздо более органичное впечатление. Или это Любасе только казалось.

Столкнулись они с Аполлоном у моря, где она со своими «педагогинями» кормила птиц. Участники второй группы тоже включились в дело спасения пернатых. Да и к сло-

ву сказать, финансово они выглядели более состоятельными в сравнении с любасиными коллегами.

Было скользко. Растаявший накануне снег ночью приморозило. Нужно было смотреть под ноги. Поэтому Аполлона она заметила в самый последний момент, когда посмотрела вверх у последнего пролета лестницы. Оказывается, он тоже здесь. К морю не спустился, с высоты набережной следил за процессом. Уклониться было невозможно. «Императрицы» не было.

– Как голова? – в вопросе почудились неожиданно радостные нотки.

– Спасибо, в норме.

– Вы что, мать Тереза всего этого пернатого поголовья?

– Почему я? Вон сколько народу пришло птиц покормить.

– На ваше появление они реагировали иначе, даже и не получив еще и корочки сухой. Птиц не обманешь. Это потом они начинают за большой кусок драться.

И он, опираясь на трость (раньше она ее почему-то не замечала, видела только неестественно прямую спину), развернулся, чтобы вместе с Любасей дойти до пансионата.

– А вы что раненому участнику боевых действий на гололеде даже руку не предложите? – он явно резвился. Любасе показалось, что с тростью он вполне уверенно справляется с ситуацией.

– Отчего ж? – включилась в игру. Ну, не вести же себя, как стыдливая горничная? – Места боевых действий, как пони-

маю, не афишируются, составляя предмет государственной тайны.

– А вы не далеки от истины, – последовал ответ, и сказано это было так просто, без надрыва, словно и не было любасиной иронии. – Пережил серьезную травму позвоночника. – И ей стало стыдно за свое неуместное кокетство. Почувствовала, как краснеет и почти готова неожиданно для себя разрыдаться. Хорошо, что ветрено, можно отвернуть голову, спрятав набежавшие слезы.

– Простите, я не хотела вас обидеть.

– Хорошо, только за это вместе выпьем кофе в баре. Прогрог я.

Так вместе рука об руку они дошли до пансионата и сразу же завернули в бар. Еще чашка кофе не испита, заглянул приятного вида мужчина, лет пятидесяти.

– Аполлон, тебя потеряли, с ног сбились.

– Иду, – он поднялся, как ей показалась, с какой-то обреченностью. – Но я не прощаюсь.

Ну, что за удивительное чувство – влюбленность! Все во внешнем мире на прежних местах, на востоке, как обычно всходит солнце, на западе оно клонится к горизонту, чтобы спрятаться за морем, на набережной дует по-прежнему пронизывающий февральский ветер, и в мире преобладают бело-серые краски неожиданно холодной зимы... Все так, и все совершенно иначе! Потому что в душе распускаются во всей своей красе лепестки бутона сердечной чакры. Словно неве-

домый некто взял и распахнул запертое сердце, и оно до этого слепое, как недавно родившийся котенок, вдруг прозрело и услышало дивный оркестр жизни. Ты любишь всех и всеми любим! И ничего не произошло, и ничего тебе не сулят, и нет надежд... Но тебя уже захлестнула эта безмерная радость полноты жизни. О, если бы можно было прожить всю жизнь на таком подъеме! Кажется, Господь тебя поцеловал в макушку.

После ужина она опять сбежала из зоны досягаемости и забаррикадировалась в своем номере. Ей не хотелось читать, она не прислушивалась к голосам в коридоре, удачно ткнула в пульт телевизора и выставила фоном что-то спокойное, музыкальное, не перекрывающее звучание ее личного, внутреннего оркестра. Она просто наслаждалась своим, таким давно забытым чувством влюбленности.

Проснулась раньше обычного, с ощущением, что улыбается безо всякой причины. А, может быть, она улыбалась и во сне? Быстро покончила с утренними процедурами, навела марафет, потеплее оделась и решила до завтрака прогуляться к морю. Тихонечко прикрыла дверь и на цыпочках нырнула к лифту. Казалось, постояльцы пансионата наслаждаются самыми сладкими утренними снами. Только откуда-то издалека доносятся гастрономические запахи предстоящего завтрака. Каково же было ее изумление, когда внизу, в лобби-баре у самого выхода она увидела единственного в столь ранний час посетителя. И это был он!

– К пернатым? Рано! Не с пустыми же руками – магазин еще закрыт. Приглашаю на кофе. Да и вообще, пора познаться.

– Вы – Аполлон.

– Ну, без иронии, есть во мне греческая кровь, вот и называли в честь прапредка.

– Любовь Ильинична, – по-учительски представилась она. – Подруги зовут меня Любася.

– Что будем пить, Любася? Чай, кофе?

– Нет, тогда уж лучше горячий шоколад.

– А куда вы испарились вчера после ужина?

– А что вы делаете здесь в такую рань? – ответила она ему вопросом на вопрос.

– Я вас жду. Где вы живете? В каком номере?

– Не представляете, ровно по соседству.

Он посмотрел на нее своим сканирующим взглядом, как-то грустно ухмыльнулся, отвел глаза. Почему-то ей стало ужасно жалко этого крепкого, ладно скроенного, но, словно проглотившего шест, человека.

Она выпорхнула из номера на таком подъеме, так купалась в любви к миру... Ведь не будь его, не отвалилась бы ей нынче, да уже со вчерашнего дня, такая безмерная запретельная теплая и тихая внутренняя радость! Ей просто физически захотелось сделать что-то хорошее, сказать ему какие-то нужные слова. Ну, чтобы и ему стало так же тепло и уютно.

– Мне кажется, что у вас есть какие-то проблемы. Какая-то глупая фраза получилась! Почти по-американски: «Вы хотите об этом поговорить?» Я не к тому, чтобы вы мне, незнакомому человеку, вываливали их. Да и что я могу? Я к тому, что людям свойственно иногда видеть какие-то явления своей жизни, как обстоятельства, непреодолимой силы. А между тем, есть только одно непоправимое – смерть. Все остальное – одолимо.

– Такое впечатление, что нам нужно поменяться конференц-залами: мне к педагогам, а вам – к нашим. Слушайте, ну почему мне с вами общаться так легко, словно знакомы тысячу лет. С чего отвешен вам такой кредит доверия? Будто кто-то сверху говорит: «Это – человек твоей группы крови».

– Может, как случайному попутчику в купе?

– А давайте дружить? Это как-то по-детски звучит, но мне почему-то страшно не хочется вас потерять. Тем более, что у нас сегодня последний день, финал, прощальный ужин. – Последнее он произнес уже с неким сарказмом.

– Ну, давайте. А что для этого надо?

– Для начала не потеряться. Давайте обменяемся номерами мобильных. Мы же географически близко, раз вы здесь.

– Я из Славногорска.

– Ну, я-то в нашей губернской столице в основном, хотя по большей части в разъездах. В Славногорске, правда, давно не был. Вы ведь не замужем?

– Почему вы так решили? – Любасю даже задел этот во-

прос. – У меня мама и взрослый сын.

– Да вы не обижайтесь – понимать некие вещи – это моя работа. И опыт житейский, наконец. Вас же не ошарашит, что у меня в прошлом пять браков, шестеро детей... и еще... Словом, не хочу начинать.

– Вам многое удалось, – сказала почему-то уязвленная Любася. —

Вам же нет пятидесяти... Вы еще многое успеете.

– Ну, вот, а так все хорошо начиналось! Ну, не реагируйте так банально! Я же испытываю к вам доверие с готовностью духовно обнажиться. Это редко случается.

В баре появилась парочка «нетрадициалов» (так «педагогини» между собой обозвали участников параллельного мероприятия).

– Аполлон, Виктория Яковлевна интересовалась вами. Она пошла на завтрак.

– Иду, – и в голосе опять нотки обреченности, искусно завуалированные под деловитость. – Обещайте не потеряться. Я сброшу вам мой личный электронный адрес. – И он двинулся в сторону ресторана.

Любася сидела совершенно ошарашенная. Внутренний градус безмятежной радости заметно понизился. Но она ни за что не отказалась бы от этого человека – ее к нему тянуло. Была ли это сексуальность? Да она не думала об этом! В нем было что-то родное. Понятнее объяснить она бы не смогла. И надо ли? Да и вообще – он завтра уезжает! И как жить

дальше?

Женсовет

По блеску в любасиных глазах Мира первая диагностировала болезнь. Со своим ироничным умом она иначе и не воспринимала изменение ритма сердца, учатившееся дыхание, изменение пульса, а, порой, и нарушение сна, которые неизбежно сопровождают влюбленность. Это Агафья Тихонова поначалу приняла посвежевший вид и оживленность вернувшейся Любаси на свой мудрый счет заботливого руководителя – передышка заму, предоставленная вовремя. Правда, и она через пару дней заметила неладное. Причем, по довольно примечательной мелочи. Раньше и она ругала Любасю – бросает свой мобильный телефон где попало, трудно ей дозвониться. Отъедешь в управление, а он, мобильник, на дне сумочки. Катастрофа! А теперь телефон просто прилип к ладони Любаси. И, что еще удивительнее, сигнал она выставила в режим вибрации, чтобы не мешать окружающему учебно-воспитательному процессу. Сигнал и не мешал, мешала неизвестная для Агафьи, а потому настораживающая активность виртуальной жизни.

Не прошло и пары месяцев, Мира, почувствовав неладное, призвала к себе «малый совет» с Лейлой и Марусей. Повод банальный – дегустация пирога по новому рецепту. Любася, естественно, тоже была в числе приглашенных. Вся информация была получена, когда и по первому кусочку доесть

не успели.

– И в этот знаковый день в ночи вы, наконец, оказались в горизонтали? – спросила Мира, дослушав любасино повествование до точки расставания в лобби-баре.

– Мира, ты с ума сошла? Сначала я слышу, как он занимается сексом с «императрицей», а потом через день сама влезаю к нему в постель? Я же видела, что у них какие-то сложные взаимоотношения... И потом. я так быстро не могу!

– Смогла бы, может, уже все и закончилось! А теперь бегаешь с сумасшедшими глазами. Ты на себя в зеркало давно смотрела? У тебя же на лбу написано: «Больна!» В крайнем случае: «Сердечно ранена!»

– Мира, ну не надо так, – вмешалась Маруся. – Пока ничего катастрофичного. Любася влюбилась! Разве это плохо?

– Да ты послушай, в кого она умудрилась влюбиться! Пять браков, шестеро детей, «императрица» и еще недосказанное «нечто». Да у него же период полураспада браков в лучшем случае три года, а полного – пять лет. Да он же любить не может. Знаю я такой тип: они только влюбляться могут, а любить не в состоянии.

– Мира, ты у нас все знаешь про любовь-влюбленность. И как-то диаметрально разводишь эти понятия. Чуть ли не до противоположности. А у нас с Алексом что – любовь или влюбленность? – это Лейла решила, как всегда, добиться ясности. Поставив чашку на блюдце, она вся превратилась во внимание.

– Блондинка, у вас с Алексом уникальный союз сотрудничества, редкий сплав: там и любовь, и привязанность, и привычка, и комфорт, и помощь в личностном развитии. . . Вы – партнеры по жизни, проросли друг в друга, как сиамские близнецы. Уж не знаю, была ли у вас сумасшедшая влюбленность. Но вы как-то удивительно разумно настроились на жизнь вдвоем. Такое впечатление, что идете по жизни, держась за руки, но по параллельным прямым. И даже не ведаю, флиртовали ли на стороне за все эти годы. . . Хотя, Лейла, ты – кокетка! Речь не о вас. Просто есть люди очень влюбчивые. Всякий раз, влюбляясь, они думаю, что это и есть любовь. Рушат мосты, обрубают канаты. А потом выясняется, что до стадии любви дорасти они не в состоянии.

– Ну, что ты ей крылья обрезаешь! – вступилась Маруся, дожевывая последний кусочек пирога. – Глаза горят, выглядит прекрасно, на подъеме. Это же так здорово – влюбиться! Может, мы ей просто завидуем?

– Маруся, ну не без этого. Яркость красок и интенсивность чувств. Я не хочу, чтобы она страдала. . . потом, когда влюбленность-чувство перейдет в стадию влюбленности-отношений. Очень тонкая грань! Сначала ты рад, что объект есть, накачиваешь его энергией своей любви, потом эта энергия, заметь – твоя собственная, привязывает тебя к нему же. А при всей множественности женских линий в судьбе объекта с его детьми и неизбежными обязательствами нужно принять, что кусок пирога под названием «Аполлон», нашей

Любасе светит только в очень ограниченном сегменте. Знаешь, как кусок торта, вокруг которого собралось множество любителей сладкого. Она готова к этому? Осознает? Даже, если сейчас скажет «да», не верь ей. Зыбкая грань влюбленности с намеком на любовь приведет к любви-собственности. А вот это – камень преткновения.

– Ну, здесь с тобой не поспоришь. У каждой из нас свой опыт на минном поле великих надеж и обманутых ожиданий. Ну, не порть ей праздник духа. Влюбленность – самая яркая часть любви-процесса. – Маруся-профессор была и в этой сфере предельно точна в формулировках и даже руки сложила, как на лекции за кафедрой.

Любася слушала все, что вещали ее озабоченные подружки. Как далеки они от истины! Ну, что они могут понимать про нее и Аполлона? И вспоминала последний вечер. После ужина спрятаться не могла – приехал профессор губернского университета, была интересная дискуссия о тенденциях развития школьного образования, о вызовах времени и, наконец, о том, что должно стать главным содержанием работы школы в эпоху информационного бума – сумма знаний или развитие возможности их отбора, сортировки, пополнения. Что есть критерий успешного процесса обучения и где брать соответствующие современным условиям педагогические кадры? Мировые тенденции и наши российские проблемы...

А у «нетрадиционалов» шло финальное мероприятие с вру-

чением сертификатов, с нацеливанием на будущее и прощальной рюмочкой. На танцевально-неформальную часть подтянулись перезнакомившиеся с ними «педагогини». Словом, гендерный баланс вечера пришел в равновесие. И вот с этой части Любася улизнула. Не могла она лицезреть приязнанного, как ей уже казалось, насильственно к «императрице» Аполлона, демонстративно отключающего себя алкогелем. Сбежала на набережную, замерзла, выпила чаю в номере, вставила заранее купленные в аптеке беруши и спокойно уснула до утра. И была права. Потому что потом из обсуждения «педагогинь», участниц финальной тусовки «нетрадиционалов», поняла, что раскол между «императрицей» и Аполлоном заметили окружающие: они что-то выясняли между собой на довольно повышенных тонах, уже не обращая внимание на присутствующих.

А утром до завтрака, выбегая к спасительному морю, она нос к носу столкнулась с ним у выхода. Шел с вещами к припаркованной машине. Почему-то собачьи виноватыми глазами посмотрел на Любасю, бросил вещи в багажник и подошел к ней. И ничего не говоря, просто сгреб ее в охапку и поцеловал. Ну, это был настоящий, то что называется, французский поцелуй. Об этом Любася подружкам и не заикнулась – не хотела разменивать то необыкновенное ощущение... Ну, да, когда ты пронзен... до Кундалини... Может, и рискнула бы поведать, только помнила, как однажды Мира, рассказывая об одном из своих романов, сказала: «Он

целовался божественно! Такое впечатление, что моя точка „g“ перекечовало на нёбо, и он не промахнулся!»

«Нас могут увидеть! А «императрица»? – это последнее, что в испуге подумала Любася, ошалело отскочила от него, и поскорее припустила к морю.

К счастью, когда вернулась, машины Аполлона не было, да и другие «нетрадициалы» отчаливали из пансионата.

А потом интернет-общение, смс-переписка, телефонные звонки. Современные технические возможности сближают в катастрофически сжатые сроки. Через неделю она знала про Аполлона практически все. В его версии.

Ах, Аполлон, ах, Аполлон...

Был он в прошлом военным медиком, молодым, отчаянным и дерзким... На «горячие» точки конца века прошлого и начала нынешнего нам всем, как известно, «повезло». А ему еще и «везло» на женщин. Но надо отдать должное, своих прошлых жен не порочил, говорил, что все они были прекрасными женщинами и подарили ему замечательных детей. Просто так сложилась жизнь. И еще его личные мужские обстоятельства складывались так, что все они сразу стремились обзавестись от него детьми. Ну, кто-то же должен заниматься реально проблемами российской демографии! Имя ему дала мама, в которой на четверть было греческой крови. Еще и потому, что мальчик родился красивенький, ну, просто Аполлон. Пока он кочевал по «горячим» точкам, у него рождались дети и распадалась семейные союзы. Всегда уходил, в чем был, оставляя квартиры, бурю женских страстей, унося любовь к детям и уверенность, что уж точно не для семьи создан – воин. Со своим нынешним боссом и гражданской женой Викторией, которая была старше на пять лет, познакомились лет восемь назад.

Она тогда работала тележурналистом на одном из центральных федеральных каналов, оказалась в «горячей» точке в журналистском пуле, сопровождала в поездке в эту самую точку высокое государственное лицо. Но столкнулась с заме-

стителем начальника военного госпиталя Аполлоном, была «смертельно» ранена его серо-синими глазами, возродилась в объятьях страсти... Экстрим ситуации как-то все ускорил. У него в то время уже прошел период полураспада очередного брака, приближаясь к точке невозврата. Она в Москве, он – под пулями. Краткая случайность встреч. Словом, любовные отношения в духе военного времени. Ей было далеко за тридцать, а тут беременность. Как выяснилось впоследствии, от Аполлона беременели все. Это Мира так констатировала ход событий, когда после возвращения Ляльки из монастыря, рассказывала детали любасинового романа. Рожать сына Виктория приехала к родителям, которые жили в столице южной губернии. Шестой ребенок Аполлона, Георгий, появился на свет к немалой радости родителей Виктории. Они уж и не чаяли дожидаться внуков от своей дочери. Когда сыну исполнилось три года, случилось чрезвычайное – вертолет, на котором перемещалась бригада военных медиков, рухнул. К счастью, с небольшой высоты и к еще большему счастью, не взорвался.

В авиакатастрофе пострадало восемь человек. Все выжили. Аполлон очнулся на третьи сутки в военном госпитале, рядом сидела Виктория. Пострадал позвоночник, и была реальна угроза стать пожизненно обездвиженным инвалидом. Он вовремя пришел в себя, очень хладно, как о постороннем, выслушал диагноз, консилиум врачей и буквально под свою ответственность заставил принять иную стратегию

лечения. Два года по госпиталям, чередой операций, но он поднялся, хотя приобрел какую-то неестественную осанку и хронические боли в спине. О дальнейшей военной службе не могло быть и речи. Как перекрыть жизнь? Чем ее заполнить?

Тебе сорок, ты инвалид, о гражданской медицине слышать просто не хочешь.

В Москве Викторю ждали на одном из телеканалов, но она пожертвовала своей карьерой, решила остаться на юге, рядом с родителями, прекрасно понимая, что темп большого мегаполиса уж точно не для перекаленного Аполлона. Одно время он даже запил. Она вытащила его из тяжелого состояния психологической раздавленности. Была рядом, и всячески показывала, как он значим для нее и сына. Он пытался заняться бизнесом – что-то из категории «купи-продай», прогорел, влез в непомерные долги. Даже подумывал свети счеты с жизнью – ну, не вписывался он в нее в новом формате! Консультируясь по своим московским связям со специалистами по работе с людьми, попавшими в экстремальную ситуацию (а именно с ними она за спиной Аполлона обсуждала, как ему помочь найти себя), подхватила брошенную мысль, что все мы нынче в экстриме, осознаем это или нет. И всем нам нужна такая адаптационная помощь. Из мысли родился бизнес-проект, в котором важное место отводилось Аполлону, как военному медику и специалисту по выживанию в экстремальных условиях.

К этому добавился серьезный ассортимент психологических услуг, в сочетании с основами восточной и народной медицины. Получился интересный спектр предложений, которые Виктория с ее медийным прошлым превратила в реальный бизнес. Родившийся три года назад центр оброс филиалами, хорошо себя зарекомендовал, умудрился даже получить бюджетное софинансирование, взяв на себя работу с инвалидами всех последних войн. Виктория стала его руководителем. Она была упорна в достижении цели, как танк. Оценив рынок потенциальных потребителей услуг, центр в последние годы немало преуспел в вопросах психологического и просто оздоровительного сопровождения представителей бизнеса. И, в первую очередь, бизнес-леди. Ну, в продвижении услуг этой категории Аполлону просто не было равных. Финансовая целесообразность отодвигала на задний план женскую ревность. Кстати, Виктория понимала, что Аполлону важно самоутверждение и восхищение. И всячески поддерживала его.. Бизнес-долги Аполлона погасили, заняв денег у московских друзей Виктории. Выражаясь

современным языком, долги реструктурировали, напряженно работали вместе. «Удачно» (если так можно выразиться в ситуации, когда он сначала воевал, а потом мотался по госпиталям) проскочили роковой для него период полураспада семейных отношений и прошли пятилетний срок, когда в иных брачных союзах у него обычно возникала точка невозврата.

Женщины висли на нем гроздьями. Удивительно, но и стоящая колом спина этому нисколько не мешала. В нем было море мужского обаяния!

В иных союзах испытания спаивают людей. А совместный бизнес объединяет. У Виктории с Аполлоном все происходило с точностью до наоборот. Они, как бизнес-партнеры, были условиями успешного существования друг друга. Может, роковой оказалась невозможность перестраиваться в ролевых функциях?

– Это на работе ты можешь руководить, хоть заруководиться. А дома женщина – слуга, – имела обыкновение говорить Маруся, когда они своим женским сообществом обсуждали отношения мужчина-женщина в условиях современной реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.